

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В РУССКИХ СЕМИНАРИЯХ XVIII ВЕКА: ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ¹

Е. И. КИСЛОВА

В статье на материале архивных документов и опубликованных источников рассматривается бытование французского языка в русских семинариях XVIII в. Французский язык в XVIII в. являлся международным языком в Европе, поэтому его введение в семинарское образование традиционно рассматривается как наиболее яркий признак успеха просвещения. Однако начало официального преподавания французского в семинариях не всегда может быть однозначно зафиксировано. Преподавание французского базировалось на наиболее распространенных грамматиках, причем как переводных, так и франко-немецких или собственно французских. Важнейшим элементом преподавания языка был учебный перевод (коллективный и индивидуальный); на начальном этапе использовались наиболее популярные в светском образовании тексты («Телемак» Фенелона и др.), а в высших классах — тексты наиболее известных франкоязычных риторов и богословов (Э. Флешье, Ф. Ж. Дюрана, Л. Бурдалу, Ж. Б. Массийона, Ж. Сореня, Ж. Б. Боссюэ, Фенелона). Значительным вниманием учителей и учеников семинарий пользовались также тексты энциклопедистов, Вольтера, Руссо. Французская поэзия, за редким исключением, не упоминается в документах, хотя семинаристы учились создавать стихотворные тексты на французском и обязательно должны были иметь какие-то тексты в качестве образцов. Знание европейских языков (и в первую очередь французского — основного языка культуры в светском обществе XVIII в.) давало возможность преодолеть разобщенность духовенства и дворянства, ввести представителей Церкви в круг образованных с точки зрения светского общества людей, преодолеть образ «неграмотного священства», сформировавшийся после Петровских реформ и весьма устойчивый в светском обществе во втор. пол. XVIII в. Конечно, для сельского священства эти знания могли казаться лишними, что объясняет большее внимание к европейским языкам в столичных семинариях и меньшее — в провинциальных. Но в целом к концу XVIII в. многие семинарии давали возможность своим студентам в той или иной степени освоить французский язык.

Введение

В течение XVIII в. в России французский язык был одним из важнейших языков культуры. Исследованиям его положения, статуса и функций в культуре Российской империи посвящен ряд работ², однако они преимущественно ориентиро-

¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-4924.2015.6).

² Например: *Гречаная Е. П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — перв. пол. XIX в.). М., 2010; *Rjéoutski V.* Le français et d'autres lan-

ваны на анализ функционирования французского языка в светском обществе и светской литературе. Между тем в XVIII в. французский язык употреблялся и в духовной среде. Краткая характеристика преподавания французского и немецкого языков в семинариях представлена в монографии Ю. К. Воробьева и И. В. Сединой «Западноевропейские языки в русской культуре XVIII в.» (Саранск, 2007), однако она нуждается в существенных уточнениях.

Настоящая работа является в некотором смысле продолжением опубликованных ранее исследований, посвященных европейским языкам в церковном дискурсе XVIII в.³ В настоящей статье мы рассмотрим введение французского языка в семинариях, методы его преподавания и положение в духовной среде XVIII в.

1. Французский язык в семинариях и проблема источников

Уже в середине XIX в., когда создавались первые научные описания истории семинарий, их авторы пишут о выборочной сохранности в архивах документов семинарий XVIII в. Например, архив Тверской консистории, содержащий документы Тверской семинарии, пострадал от пожара в 1763 г.⁴ К концу XIX в. в архивах разных ведомств сохранялись только единичные документы за первые 20 лет существования Воронежской семинарии⁵. Поэтому все современные российские и европейские ученые вынуждены опираться на труды XIX в., которые нередко недостаточно точны в воспроизведении документов и так же нередко предвзяты в их отборе. Поэтому опираться на опубликованные работы XIX в. надо осторожно, особенно когда речь идет о таком символе европеизации и просвещения, каким является французский язык.

Введение в семинарское обучение европейских языков нередко описывается исследователями как существенный признак успеха просвещения. Например, Л. Ю. Посохова пишет: «Включення до програми викладання колегіумів німецької та французької мов відкривало нові можливості прилучення до досягнень європейської науки і культури. Одночасно це знаменувало початок деяких глибинних змін у навчальній програмі колегіумів. Викладання німецької та французької раніше за інші заклади почалося у Харківському колегіумі. Дослідники зазначали, що це відбулося за єпископства Петра Смелича (1736–1742 рр.), за часів правління Анни Іоанівни, тобто до 1740 року. Викладання цих мов у Києво-Могилянській академії було розпочато, відповідно, у 1738 та

gues dans l'éducation en Russie au XVIIIe siècle // ВИБЛЮТІКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. № 1. 2013. P. 20–47 и др. статьи.

³ См.: *Kislova E.* Le français et l'allemand dans l'éducation religieuse en Russie au XVIIIe siècle // ВИБЛЮТІКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. № 1. 2013. P. 48–74; *Она же.* Немецкий язык в русских семинариях: из истории культурных контактов // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2015. Вып. 1 (41). С. 53–70; *Она же.* Грамматики французского языка в российских семинариях XVIII века // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. № 19. С. 374–382.

⁴ См.: *Колосов В.* История Тверской духовной семинарии. Ко дню 150-летнего юбилея семинарии. Тверь, 1889. С. VII–IX.

⁵ См.: *Никольский П.* История Воронежской семинарии. Ч. 1. Воронеж, 1898. С. I–V.

1753 pp., а у більшості духовних шкіл Російської імперії вони з'явилися лише наприкінці століття»⁶.

На самом деле появление того или иного языка в духовном образовании сложно датировать однозначно.

Первая проблема связана с тем, что европейские языки не входили в обязательный семинарский минимум, поэтому теоретически они могли преподаваться в любое время при наличии учителя, способного преподавать этот предмет, учеников, желающих его изучать, и с согласия руководства семинарии⁷. При этом документы, отражающие такое преподавание, могли не сохраниться или изначально отсутствовать, если обучение происходило частным образом или по устной договоренности. Поэтому, если в семинарии был учитель, достоверно знающий французский, была и вероятность преподавания языка.

Учителя, знавшие французский, появлялись в семинариях в течение всего XVIII в. Например, с 1725 г. в Славяно-греко-латинской академии в начальных латинских классах преподавал Тарасий Посников, который с 1717 г. в течение пяти лет обучался во Франции: «...слушал тамо философию и часть богословии, при том же и французского научился диалекта и в достоверное того моего внятного учения имею данную мне в том Париже за подписанием тамошних академических ректора и учителя за печатью их атестацию»⁸. Будучи лишен в 1735 г. должности учителя латыни, Посников обратился к Феофану Прокоповичу с просьбой либо вернуть ему возможность преподавать в академии, либо «учиня трактамент в том же училище учителем французского диалекта к которому охотников из разночинцев много обретається»⁹. Возможно, у Посникова был какой-то опыт частного преподавания языка, который позволил узнать о наличии потенциальных студентов в Академии¹⁰.

Если правящий архиерей сам владел каким-то европейским языком, он нередко инициировал его преподавание в семинарии. Например, в Нижегородской

⁶ «Включение в программы преподавания коллегий немецкого и французского языков открывало новые возможности приобщения к достижениям европейской науки и культуры. Одновременно это показывало начало некоторых глубинных изменений в учебной программе коллегий. Преподавание немецкого и французского раньше, чем в других заведениях, началось в Харьковском коллегий. Исследователи отмечали, что это произошло во время епископства Петра Смелича (1736–1742), во времена правления Анны Иоанновны, то есть до 1740 г. Преподавание этих языков в Киево-Могилянской академии было начато соответственно в 1738 и 1753 гг., а в большинстве духовных школ Российской империи они появились только в конце века» (*Посохова Ю. В.* На перехресті культур, традицій, епох. Православні коллегіуми України наприкінці XVII — на початку XIX ст. Харьков, 2011. С. 73).

⁷ В первой половине XVIII в. в семинариях иногда преподавались не только французский и немецкий, но и голландский и итальянский языки (см.: *Смирнов С. С.* История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867. С. 352; *Любжин А. И.* История русской школы. Т. 1: Русская школа XVIII столетия. Кн. 1. М., 2014. С. 650–653).

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 16. Д. 287. Л. 14.

⁹ Там же. Л. 45.

¹⁰ После возвращения из Парижа в 1725 г. Посников просил о разрешении стать учителем французского у детей кригс-комиссара Чернышева в Воронеже, однако был направлен для преподавания в Славяно-греко-латинскую академию (см.: Там же. Л. 52).

семинарии французский язык ввел Феофан Чарнуцкий, знавший его¹¹, однако нет никаких сведений, где и при каких обстоятельствах он его изучил. Достоверные данные о преподавании французского в Киевской академии, в которой Чарнуцкий учился до 1735 г., относятся к 1753–1758 гг.¹²

Косвенно о возможности семинариста выучить язык вне семинарии свидетельствует рукописный «Сборник лекций, читанных в Киево-Могилянской, а потом в Киево-Могило-Заборовской академии в 1739–1746 гг.»¹³, который содержит фрагмент анонимной грамматики французского языка на латыни («Introductio ad grammatica gallica», лл. 302–326). Это начальные правила чтения букв и буквосочетаний, причем по начертанию французских букв очевидно, что французский текст был изначально напечатан готическим шрифтом. Невозможно установить, появилась ли эта грамматика в результате незафиксированного в документах преподавания французского в Киевской академии, или была переписана кем-то в личных целях в результате самостоятельного изучения языка.

Таким образом, отсутствие официальных классов языка в семинариях не препятствовало желающим изучить его другими способами; также и знание языка кем-то из выпускников не свидетельствует о наличии его преподавания в семинарии.

Вторая сложность возникает с оценкой документов — указов и распоряжений — о создании классов. Распоряжения о заведении классов того или иного европейского языка не всегда подтверждаются фактами, свидетельствующими о том, что преподавание языка действительно началось после издания указа. Классы европейских языков нередко открывались и через какое-то время закрывались — из-за отсутствия учителя, недостатка учеников или просто из-за того, что правящий архиерей менялся или терял интерес к этим классам. Поэтому преподавание французского в течение XVIII в. в большинстве семинарий было «прерывистым» (исключением была Троицкая семинария, в которой европейские языки преподавались непрерывно с 1763 г.).

Одним из самых ранних указов, в котором упоминается преподавание в семинарии французского и немецкого языков, можно считать именной указ Петра II 1728 г., изданный в ответ на прошение Гедеона Вишневого: «Школы в Смоленску завести и быть в городе при монастыре и учителей брать из Киевских монастырей и из Московских школ по указам из Синода; учеников же учить латинского, французского и немецкого языков, а которые похотят быть во священниках, тех и греческого языка...»¹⁴. Однако подлинник его не сохранился, указ цитируется по справке в деле за 1752 г. Необходимость преподавания французского и немецкого продекларирована в составленных тогда же в конце 1720-х гг.

¹¹ См.: Макарий (Миролюбов). История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года. СПб., 1857. С. 143.

¹² См.: Макарий (Булгаков). История Киевской академии. СПб., 1843. С. 154–155.

¹³ РГБ. Ф. 396. Ед. хр. 2851.

¹⁴ Сперанский И. Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ со времен основания Семинарии до ее преобразования по Уставу 1867 года (1728–1868). Смоленск, 1892. С. 6.

«Регулах» Гедео́на Вишне́вского¹⁵, однако неизвестно, был ли реализован этот проект. Во всяком случае, в списках учителей за 1745–1747 гг. нет никакой информации о подобных классах, и только после 1761 г. класс французского был открыт вновь¹⁶.

Более надежное свидетельство относится к Харьковскому коллегиуму: после назначения Петра Смелича архиепископом Белгородским в 1736 г. там началось преподавание французского и немецкого: «...преосвященный Петр Смелич, Архиепископ Белогородский, завел в Коллегиуме сем классы французской, немецкой, математический, геометрический, архитектурный, исторический и географический; а для преподавания предметов сих вызвал из иностранных училищ учителей, и выписал потребные к тем наукам книги и математические инструменты»¹⁷. Считается, что после его увольнения в 1741 г. классы были закрыты и открылись вновь в 1768 г., причем они находились в ведении губернского правления: «К преподаваемым ныне в Харьковском коллегиуме наукам прибавить класс французского и немецкого языков, математики и геометрии и рисования, а особливо инженерства, артиллерии и геодезии...»¹⁸. Однако Л. Ю. Посохова приводит данные о том, что преподавание языков (во всяком случае немецкого) в Харьковском коллегиуме в 1740-х гг. не прерывалось больше чем на год¹⁹.

Наконец, классы могли существовать исключительно «на бумаге». Например, в Рязанской семинарии класс французского языка был формально открыт, однако фактически преподавания не было: в реестре за январскую треть 1792 г. значится, что «учитель немецкого языка и французского за немецким почасту не бывал за делами консисторскими, а за французским с нового года не был за нехождением учеников по их нежеланию»; за майскую треть был дан один урок французского, в сентябрьской трети «учитель за немецким языком не был несколько раз по причине бытия учеников в бани, а французского (класса) от вакансии не было, поколику ученики ходить отрицаются»²⁰.

Таким образом, наиболее надежными свидетельствами преподавания языка мы можем считать учебные документы (отчеты учителей, экзаменационные ведомости учеников, учебные материалы и тексты, созданные учениками на иностранных языках). Однако в исторических описаниях XIX в. не всегда указывается, что стало источником информации о заведении классов: указы архиереев или реальные учебные документы. Поэтому любые попытки жестко обозначить дату начала преподавания французского языка в конкретной семинарии являются условными.

Тем не менее, даже если рассматривать сохранившиеся данные со всей осторожностью, становится ясно, что во второй половине века не только в столич-

¹⁵ Сперанский. Указ. соч. С. 20.

¹⁶ См.: Там же. С. 76.

¹⁷ *Амвросий (Орнатский)*. История российской иерархии. Ч. 1. М., 1807. С. 637–638.

¹⁸ Там же. С. 638–639. См. также: *Любжин А. И.* Очерки истории российского образования в императорскую эпоху (URL:<http://www.inr.ac.ru/~info21/MIL/liubzhin/oqerki-istorii-goss-obr-v-imper-epoxy.pdf>).

¹⁹ См.: *Посохова*. Указ. соч. С. 74.

²⁰ *Аглицев Д.* История Рязанской духовной семинарии 1724–1840 г. Рязань, 1889. С. 120–121.

ных, но и в провинциальных семинариях европейские языки входят в идеал духовного образования, и правящие архиереи прилагают усилия для реализации этого идеала. В Александро-Невской семинарии французский точно преподается в 1772 г., но есть данные о классах в 1750-х гг.²¹ В Московской академии французский непрерывно преподавался с 1781 г.²², а в Троицкой семинарии — с 1763 г.²³ В Нижегородской семинарии самые ранние свидетельства относятся к 1753 г.²⁴, в Рязанской — к 1765–1766²⁵, в Воронежской есть классы в 1770-х²⁶, в Псковской — в 1776 г.²⁷, в Тверской — в 1777 г.²⁸, в Казанской — с 1785 г.²⁹, в Смоленске регулярные классы появляются с 1787 г.³⁰

Сохранившиеся аттестаты учеников старших классов и выпускников провинциальных семинарий, поступивших на 1-й курс Санкт-Петербургской духовной академии в 1808 г.³¹, свидетельствуют о том, что французский язык в 1790-х гг. имели возможность выучить студенты семинарий в Смоленске, Рязани, Твери, Орле, Нижнем Новгороде, Туле, Калуге, Казани, Владимире, Архангельске, Пензе, Коломне, Курске, а также в Перервинской и Вифанской семинариях. На Украине — в Киеве, Харькове, Могилеве, Екатеринославле, Чернигове, Полтаве.

Столь же условной, как дата начала преподавания, выглядит и дата официального запрещения французского языка в семинариях, связанного с событиями Великой Французской революции. Летом 1794 г. архиереям было разослано письмо от митрополита Новгородского Гавриила (Петрова), которое в общей части выглядело так: «Семинаристы ваши обучаются французскому языку, но как опыт доказал, что неблагонамеренные из них злоупотребляют знанием сего языка, мне поручено вашему Преосвященству писать, чтобы благоволили сей класс оставить»³². Классы были закрыты, но степень запрета была разной. Так, в Тверской семинарии у учителей и учеников также изъяли и запечатали в библиотеке французские книги³³. В Троицкой семинарии классы были закрыты, но полного запрещения французского так и не произошло. В рукописном поздравительном сборнике, поднесенном митрополиту Платону студентами Троицкой

²¹ См.: *Чистович И.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 42.

²² См.: *Смирнов С. С.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 310–311.

²³ См.: *Смирнов.* Троицкая семинария. С. 345.

²⁴ См.: *Макарий (Миролюбов).* История Нижегородской иерархии... С. 139.

²⁵ См.: *Агнецев.* Указ. соч. С. 113.

²⁶ См.: *Шмурло Е.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767–1804. СПб., 1888. С. 26.

²⁷ См.: *Князев А.* Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ее по проекту устава 1814 года. М., 1866. С. 27, 59.

²⁸ См.: *Колосов В.* История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. С. 239.

²⁹ См.: *Макарова И. В.* Деятельность преподавателей духовных семинарий Владимирской, Костромской и Ярославской губернии: 60-е гг. XVIII в. — первой четверти XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005. С. 92–93.

³⁰ См.: *Сперанский.* Указ. соч. С. 76.

³¹ РНБ. Ф. 574. Оп. 1. Д. 973.

³² *Колосов.* Указ. соч. С. 241; *Смирнов.* Московская академия. С. 311.

³³ См.: *Колосов.* Указ. соч. С. 241.

семинарии в 1795 и 1796 гг., содержатся стансы и эпиграммы и небольшая пьеса в стихах, написанные по-французски студентами классов богословия, философии и риторики³⁴.

В семинарии Троице-Сергиевой лавры французский был официально возобновлен уже в 1797 г.³⁵ Такое быстрое возвращение объясняется фактически придворным статусом этой семинарии: 24 апреля 1797 г. император Павел при посещении лавры устно, очевидно отвечая на просьбу митрополита Платона, разрешил вернуть класс французского: «Его императорское величество, всепресветлейший государь император и самодержец всероссийский Павел Петрович быв сего 1797, апреля 24 дня высочайшею своею особою в Троицкой лавре, и удостоив своего посещения Вифанию, в ней изустно все милостивейше дозволил в Троицкой семинарии обучать по прежнему французскому языку, и для сего учредить французский класс: и потому из собора о сем высочайшем его императорского величества благоволения в семинарскую кантору сообщить, с тем, дабы она нам представила, на каком основании учредить оный класс. Подпись: Платон М. и А. 1797. апреля 26. дня»³⁶.

И уже в 1798 г. французский наряду с немецким были официально введены в Устав семинарий и духовных академий, пусть и в качестве факультативных (в противоположность обязательным греческому и даже еврейскому) и обусловленных некими «надобностями епархии». Однако минимум один из европейских языков семинарист отныне должен был изучать: «...[обучать] немецкому же, французскому по склонности ученика, и по надобности для епархии, чтоб по крайней мере одному из сих всякий студент обучался непременно»³⁷.

В Воронежской семинарии и Киевской академии класс французского был открыт вновь в 1798 г., в Московской академии и Рязанской семинарии — в 1800 г., в Тверской семинарии — в 1802 г.³⁸ Видимо, примерно в это время французский был возобновлен и в других семинариях.

2. Методы преподавания французского языка в семинариях

Как преподавался французский язык в семинариях? В целом процесс преподавания языка был стандартным, поэтому по данным кон. XVIII — нач. XIX в. можно предполагать, что и в более раннее время преподавание иностранного языка базировалось на заучивании текстов наизусть, грамматическом анализе, а также переводе на русский и с русского на иностранный³⁹. Более высокий уровень включал риторический анализ художественных произведений и создание

³⁴ РГБ. Ф. 173. III. Д. 131, 132.

³⁵ См.: *Смирнов*. Троицкая семинария. С. 353.

³⁶ РГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 1. Д. 2121. Л. 2.

³⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. СПб., 1830. С. 428.

³⁸ См.: *Аенцев*. Указ. соч. С. 119; *Колосов*. Указ. соч. С. 241–242; *Макарий (Булгаков)*. Указ. соч. С. 156; *Смирнов*. Московская академия. С. 311; *Шмурло*. Указ. соч. С. 101.

³⁹ В редких случаях вместо русского могла использоваться латынь, например, если учитель не владел русским. Так, Антуан Оренов преподавал языки в Троицкой семинарии следующим образом: «...он по латыни диктовал ученикам русскую историю, а ученики тотчас же переводили ее на французский и немецкий языки; так же точно читал им географию» (*Смирнов*. Троицкая семинария. С. 352).

собственных текстов-подражаний. От семинарии к семинарии менялись доступные грамматики и выбранные преподавателем для чтения и перевода тексты.

В семинариях использовались наиболее распространенные печатные грамматики, которые закупались для библиотеки и раздавались ученикам для использования⁴⁰. Однако в документах они обычно обозначаются кратко, поэтому не всегда удается точно установить, по каким именно текстам изучали французский.

Известно, что при организации классов для Троицкой семинарии в 1763 г. было закуплено 15 французских грамматик; С. Смирнов указывает, что в Троицкой семинарии в 1769 г. преподавали по грамматикам Пеплие и Ресто⁴¹. В первом случае могло подразумеваться любое из многочисленных изданий популярной грамматики Ж. Р. Пеплие: «Grammaire Royale Française et Allemande... écrite par Mr Jean Robert des Pêpliers, Informateur de Monseig. Le Duc de Bourgogne...» или «Nouvelle Et Parfaite Grammaire Royale Française Et Allemande. Neue und vollkommene Königliche Frantzösische Grammatica...» и т. д. Она же употреблялась в семинарии в немецких классах⁴². В основном каталоге библиотеки Троицкой семинарии, составленном в 1764 г., грамматика Пеплие не указана, однако в самом конце каталога приведен «Реестр книгам, оказавшимся при приеме библиотеки префектом Амвросием у... Михайла Ильинского, сверх каталога излишними», составленный в 1775 г. В нем указано четыре экземпляра «пиплиеровых французских грамматик на немецком языке»⁴³.

Под названием «грамматики Ресто» в 1769 г. могла фигурировать одна из оригинальных французских грамматик: «Principes généraux et raisonnés de la grammaire française» (1730 и посл. издания) или «Abrégé des principes de la Grammaire française» (первое издание Париж, 1739, в России публиковалась в 1771, 1789, 1799 и 1812 г.)⁴⁴. Но вполне вероятно, что преподавание велось по грамматике, переведенной Василием Тепловым с немецкого издания, опирающегося на грамматику Ресто: «Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на российский язык переведена Академии наук переводчиком Василием Тепловым». Она вышла первым изданием в 1752 г. и регулярно переиздавалась⁴⁵, причем второе издание вышло в 1762 г. в типографии при Академии наук, поэтому есть вероятность, что именно эта грамматика была закуплена в 1763 г. и исполь-

⁴⁰ См.: Кислова. Грамматики французского языка...

⁴¹ См.: Смирнов. Троицкая семинария. С. 348, 350.

⁴² См.: Там же. С. 350.

⁴³ РГБ. Ф. 171.1. Д. 585.1. Л. 132 об.

⁴⁴ См.: Власов С. В. Гувернер Пьер де Лаваль, автор первой в России двуязычной грамматики французского языка (1752–1753) // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / Под ред. А. В. Чудинова и В. С. Ржеуцкого. М., 2011. С. 182.

⁴⁵ О переводе и издании этой грамматики см.: Карева Н. В. Первые изданные в России грамматики французского языка и их источники (трактовка категории глагольного времени в «Новой французской грамматике» В. Е. Теплова и «Explication de la grammaire française» П. де Лавалья) // *Petra philologica*: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню шестидесятилетия / Отв. ред. Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, М. В. Пономарева. СПб.: Нестор-История, 2015 (Литературная культура России XVIII века. Вып. 6). С. 297–316 [в печати].

зовалась в 1769 г. В 1784 г. 10 экземпляров этой же грамматики, но уже издания 1774 г., были куплены для Новгородской семинарии⁴⁶.

В конце XVIII — начале XIX в. в семинариях получила популярность «Сокращенная французская грамматика: Расположенная по вопросам и ответам, С российским переводом вновь исправлена с прибавлением сочинения частей слова Мартыном Соколовским» (1770 и последующие издания): она отмечена в документах Московской академии в 1781 г., Смоленской семинарии в 1802 г. и Александро-Невской семинарии в 1804 г.

Другие многочисленные грамматики французского языка, распространенные в России в это время⁴⁷, в документах семинарий пока не встретились.

Значение грамматик в обучении языку было довольно велико; именно знание грамматики ученики должны были продемонстрировать на публичных экзаменах в конце обучения. Например, в 1805 г. ученики Новгородской семинарии должны были отвечать на экзамене «из этимологии о родах и склонениях имен и местоимений, о глаголах; из синтаксиса о сочинении частей речи между собою». После экзамена один из учеников говорил на французском языке речь⁴⁸.

Отчеты учителей Новгородской семинарии за 1803–1806 гг. позволяют увидеть, как преподавался язык в двух классах французского — низшем и высшем⁴⁹.

В низшем французском классе ученики читали «Новый французский букварь» Петра Богдановича (Тип. Вейтбрехта, 1785) и учили из него наизусть «все нужное». Также читали «Краткую французскую грамматику Рестову, изданную 1799 году» (третье российское издание грамматики Ресто на французском «*Abbrégé des principes de la Grammaire françoise*», Тип. Сухопутного кадетского корпуса) и переводили из нее «под руководством старших» отдельные главы.

Ученики высшего класса повторяли грамматику и синтаксис по «Рестовой грамматике, изданной на российском языке» (одно из поздних изданий «Грамматики Ресто» в переводе В. Теплова 1752 г.), причем «все неизвестные слова, встречавшиеся при переводе, учениками были выучиваемы на память». Дополнительно в обоих классах использовалась грамматика М. Н. Соколовского, причем периодически закупались ее новые экземпляры. В обоих классах ученики активно переводили с французского художественную литературу — как под руководством учителя «с грамматическим разбором», так и самостоятельно (см. далее).

Ученики также учили наизусть «Французские разговоры» и «Новые французские разговоры» и читали их на публичных собраниях. «Разговоры» как учебный жанр были распространены в XVIII в., поэтому невозможно точно установить, какое именно издание использовалось: «Разговоры и комедии на французском и российском языках: Со объяснением слов для употребления юношества

⁴⁶ РНБ. Ф. 522. Д. 159. Л. 8.

⁴⁷ См.: *Vlassov S.* Les manuels utilisés dans l'enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle: influences occidentales et leur réception en Russie // ВИБЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2013. № 1. S. 75–98.

⁴⁸ РНБ. Ф. 522. Д. 209. Л. 480 об.

⁴⁹ Там же. Л. 96 об., 97, 123, 149.

начинающего учиться французскому языку» Д. и П. Рахмановых (1778); «Новые российские французские и немецкие разговоры Матея Крамера» Иосифа Гандиви (1782); «Новые французские, российские и немецкие разговоры, купно с собранием употребительнейших глаголов в пользу начинающих» (1784), «Французские, российские и немецкие разговоры, в пользу начинающих» (1791) и «Французские, российские и немецкие разговоры, в пользу начинающих: С прибавлением из сочинений Крамера и Геллера» (1799) Ф. Каржавина; «Новые французские разговоры с российским переводом, разделенные на 99 задач...» Ивана Фабиана (1799) и т. д.

Особое внимание уделялось обучению студентов разговорной речи на иностранных языках: в некоторых семинариях ученики должны были постоянно говорить на них между собой «в школе и в покоех»⁵⁰. Митрополит Платон подчеркивал, что умение говорить даже важнее, чем умение хорошо переводить: в 1769 г. он писал Ф. Каржавину, преподававшему в Троицкой семинарии французский: «...вы старались... более их обучать переводам, нежели разговорам на французском языке. А более нужды нахожу (о чем вам многократно подтверждал), чтоб они беспрепятственно с другими разговаривать могли»⁵¹.

Однако «неправильное произношение» семинаристов при грамотном письме часто отмечалось в мемуарах XVIII–XIX вв.⁵² Оно имело объективные причины: иностранцы, от которых ученики могли усвоить правильное произношение, приглашались в семинарии в качестве преподавателей крайне редко, только на начальном этапе устройства классов, причем французский нередко преподавали немцы или голландцы⁵³. Как только лучшие студенты овладевали языком, они занимали учительское место. Учителя-семинаристы обладали двумя важными преимуществами: они не были иноверцами и им можно было меньше платить. Иногда в столицах языки преподавали семинаристы, получившие образование за границей (но преимущественно в германоязычных странах).

Существовала также возможность изучать языки в Московском университете, где французский и немецкий преподавали иностранные профессора, однако существовала опасность, что такой ученик «выйдет в светское состояние» и не вернется в семинарию, поэтому такой способ «повышения квалификации» не был слишком распространен⁵⁴. Из провинциальных семинарий ученики присылались для углубленного изучения философии и богословия в столичные учебные заведения — Московскую академию, Троицкую или Александро-Невскую семинарию; обычно они изучали также иностранные языки и по возвращении начинали преподавать их в своих семинариях.

Таким образом, только единицы изучали язык в контакте с носителями, остальных обучали русские по происхождению учителя, сами научившиеся языку от таких же русских учителей (в то время как в светских заведениях фран-

⁵⁰ Чистович. Указ. соч. С. 114–115; Сперанский. Указ. соч. С. 110; Смирнов. Троицкая семинария. С. 353 и др.

⁵¹ РГБ. Ф. 757. К. 41. Д. 7. Л. 130.

⁵² См.: Любжин. Очерки. С. 18–19.

⁵³ См.: Кислова. Le français et l'allemand... Р. 56–58.

⁵⁴ Подробно о преподавателях немецкого и французского языков см. там же. С. 59–63.

цузский преподавали преимущественно иностранцы⁵⁵). Поэтому неудивительно, что «дурной выговор» французского стал устойчивым признаком семинаристов⁵⁶.

3. Учебный перевод и учебное чтение на французском языке

Важнейшим учебным методом как в светских, так и в духовных учебных заведениях был перевод художественной литературы⁵⁷ — как коллективный «с грамматическим разбором» в классе, так и индивидуальный, хотя книги для индивидуальной работы учеников также обычно выбирали учителя. Неслучайно учителями и учениками семинарий был создан целый ряд переводов, и хотя латынь преобладала, переводов с французского и немецкого также опубликовано немало⁵⁸.

Обычно тексты для перевода и чтения студенты получали по выбору учителя. Книги на французском были хорошо представлены в отдельных семинарских библиотеках. Так, в Смоленской семинарии в 1802 г. было 40 немецких и 39 французских книг (при общем числе книг около 2 тыс.)⁵⁹. Библиотека Костромской семинарии по каталогу первой четверти XIX в. имела более 400 книг на французском языке (немецких, для сравнения, было всего 15)⁶⁰. В каталоге Троицкой семинарии отмечен целый ряд французских текстов, приобретенных в интервале 1763–1774 гг. (большая часть — в 1772 г. на деньги и, возможно, по указанию Платона Левшина⁶¹). Это, например: «Histoire ancienne des Égyptiens, des Carthaginois, des Assyriens, des Babyloniens, des Mèdes et des Perses, des Macédoniens, et des Grecs» Charles Rollin (1730), «De l'esprit des lois» Montesquieu (1748), «Contemplation de la nature» Charles Bonnet (1769), «L'alcoran de Mahomet» и т. д. Было закуплено также 7 из 8 томов собрания сочинений Вольтера, отдельные издания Монтескье и т. д.

Обучение переводу начиналось с самого начала обучения языку, и на этом этапе использовались тексты, которые были общими в светском и духовном образовании. Наиболее популярным произведением до начала XIX в. был «Телемак» Фенелона. Ученики низшего класса Новгородской семинарии в 1803–1806 гг. получали для самостоятельного перевода «правила благопристойности и другия некоторые места по выбору» из книги Ж. Э. Шоффена «Amusements

⁵⁵ См.: Mézin A., Rjeoutski V. Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones européens en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. Vol. 1–2. 2011.

⁵⁶ Л. Н. Толстой, описывая в «Войне и мире» Сперанского, происходившего из духовенства и учившего французский в семинарии, не случайно подчеркивает, что он говорил по-французски «с дурным выговором и еще медленнее, чем по-русски».

⁵⁷ См.: Левин Ю. Д. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1. Проза. СПб., 1995. С. 148–150.

⁵⁸ Списки переводов, выполненных в семинариях см.: Смирнов. Троицкая семинария. С. 374–376; Смирнов. Московская академия. С. 335–337; Чистович. Указ. соч. С. 91–93; Шмурло. Указ. соч. С. 59–85, 125–137, и др.

⁵⁹ См.: Сперанский. Указ. соч. С. 113–114.

⁶⁰ РГБ. Ф. 138. Д. 301. Л. 29 об.

⁶¹ См.: Смирнов. Троицкая семинария. С. 378.

philologiques ou mélange agreable de diverses piéces» (1-е изд. 1749) и анонимной «La véritable politique des personnes de qualité» (1-е изд. 1692)⁶².

Специфика духовного образования проявлялась уже в высших классах — в выборе для обучения языку духовных сочинений и проповедей наиболее известных проповедников.

Весьма популярным автором в духовной среде был Ж. Сорень (Jacques Saurin, 1677–1730), чьи тексты на уроках французского переводили в 1787 г. в Троицкой семинарии. Причем его произведения использовались и для обучения немецкому: например, Антонию Знаменскому принадлежал сборник из семи Слов Сореня, переведенных «иные с немецкаго перевода, другия с французскаго оригинала» студентами Александро-Невской семинарии около 1795 г.⁶³ Проповеди Сореня, изданные в середине XVIII в., представлены также в реестре личных книг архимандрита Иеронима Поняцкого и в 1803 г. были куплены для Троицкой семинарии: «Nouveaux sermons sur l’histoire de la passion de Notre Seigneur Jésus-Christ» (1745), «Sermons sur divers textes de l’écriture sainte» (1748–1755).

В каталоге библиотеки Московской академии, составленном в начала XIX в., присутствуют также книги Э. Флешье (E. Flechier), Ф. Ж. Дюрана (F. J. Durand), Л. Бурдалу (L. Bourdaloue), Ж. Б. Массийона (J. B. Massillon). Произведения именно этих авторов обычно использовались и на занятиях. Так, в 1781 г. в Московской академии читали тексты Боссюэ. В Новгородской семинарии 1803–1806 гг. для индивидуальных переводов задавали избранные проповеди Массильона, Флешье, Сореня и Бурдалу, а также «Фенелоновы духовные сочинения» (вероятно, что-то из «Démonstration de l’existence de Dieu, tirée de la connaissance de la Nature et proportionnée à la faible intelligence des plus simples») и «Томасовы панегирики» (произведения Антуана Леонарда Тома, 1732–1785). Лучшие места из них ученики тоже заучивали наизусть.

Примерно такой же круг текстов отмечен в Ярославской семинарии: например, студенты П. Туношенский, К. Милославов и Я. Баженов в 1810–1811 гг. поднесли архиепископу Антонию Знаменскому сборники своих переводов с разных языков⁶⁴, в числе которых были переводы «Разговоров о красноречии» Фенелона («Dialogues sur l’éloquence, avec une Lettre à l’Académie française») и «Надгробного слова Генриетте Анне Английской» Боссюэ («Oraison funèbre d’Henriette de France»), а также «Речь на посвящение Иосифа Климента Баварского» Фенелона («Discours prononcé au sacre de l’Électeur de Cologne dans la collégiale de Saint-Pierre à Lille»).

Тексты перечисленных авторов формировали учебный канон, по которому преподавался французский язык в семинариях. Неслучайно именно Массийона и Боссюэ как образцовых риториков, знакомство с которыми необходимо проповеднику, называет Карамзин, описывая свое посещение Троицкой семинарии в

⁶² Приписывается Н. Реймону де Куру; перевод на русский под названием «Истинная политика знатных и благородных особ» был опубликован В. К. Третьяковским в 1745 г.

⁶³ РНБ. Ф. 522. Ед. хр. 90.

⁶⁴ См.: Лукьянов В. В. Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV–XX вв. Ярославль, 1975. № 121 (503), № 124 (502).

1802 г.⁶⁵ Однако издания их переводов относятся к более поздней эпохе — к началу XIX в., что составляет разительный контраст с переводами немецких лютеранских проповедников, чьи проповеди и речи активно публиковались уже в 1780-х гг.⁶⁶ Переводы Бурдалу были изданы в 1821–1825 гг., Массийона — в 1845 г. Переводы XVIII в. единичны и выполнены представителями светского общества: «Похвальное слово Марку-Аврелию» А. Л. Тома перевел Фонвизин в 1777 г., А. Нартов перевел «Слово похвальное королевскому французскому генералу фельдмаршалу графу Тюренну, говоренное в Париже генваря 10 дня 1676 года» Флешье⁶⁷ (1763); его же «Надгробную похвалу Тюренну» перевел И. В. Лопухин (1794).

Французская поэзия, в противоположность немецкой, почти не представлена в документах семинарий. Единственное исключение — в 1785 г. под руководством Ивана Сокольского в Троицкой семинарии ученики разбирали «избранные эпиграммы и другие стихотворения Жан-Батиста Руссо», самым известным произведением которого была «Ода на щастие», переведенная Сумароковым и Ломоносовым. При этом в каталоге библиотеки Московской академии французская поэзия представлена только текстами начала XIX в. Однако ученики создавали на французском не только прозаические речи, но и поэтические произведения (см. далее), поэтому какие-то поэтические образцы они должны были изучать.

Отдельную тему для исследования представляет собой распространение в среде российского духовенства произведений Вольтера, Руссо и энциклопедистов. Отметим здесь только, что в последней трети XVIII в. произведения этих авторов активно закупались в семинарские библиотеки, например, Евгений Болховитинов в 1790-х гг. покупал для Воронежской семинарии Французскую энциклопедию, словарь Бэйля, сочинения Вольтера и др.⁶⁸ Отдельные тексты переводились, в том числе учениками, в рамках обучения французскому языку. Студент Ярославской семинарии Михаил Пальмин в 1791 г. перевел с французского «Исповедание веры савойского викария» Руссо, причем переводы были отосланы в семинарскую библиотеку, а переводчик получил из семинарской суммы 10 руб.⁶⁹ Заметен интерес и к произведениям оппонентов Вольтера: студенты класса богословия Воронежской семинарии перевели книгу «Вольтеровы заблуждения, обнаруженные аббатом Нонотом»⁷⁰ (издана в Москве в 1793 г., существуют также рукописные копии), ее редактором выступил их преподаватель Евгений Болховитинов⁷¹.

Ученики также выполняли переводы с русского на французский, причем учителю отдельно указывалось не подсказывать ученикам слова для переводов: они должны были использовать ту лексику, которую почерпнули из книг французских писателей⁷².

⁶⁵ См.: *Смирнов*. Троицкая семинария. С. 340–341.

⁶⁶ См.: *Кислова*. Немецкий язык в русских семинариях... С. 59–66.

⁶⁷ С. Гамалея также перевел его «Историю о императоре Феодосии Великом» (1769).

⁶⁸ См.: *Шмурло*. Указ. соч. С. 106.

⁶⁹ См.: *Лукьянов*. Указ. соч. № 68 (470); *Прийма*. К истории открытия «Слова о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. 1956. Т. 12. С. 49.

⁷⁰ *Nonnotte C.-F.* Les Erreurs de Voltaire. 1762.

⁷¹ См.: *Шмурло*. Указ. соч. С. 127–134.

⁷² РНБ. Ф. 522. Д. 209. Л. 149.

В 1769 г. в Троицкой академии под руководством Ивана Харламова перевели с русского на французский «Детское училище» Мари Лепренс де Бомон («Magasin des enfans, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction»). Вероятно, это мог быть перевод Петра Свистунова, изданный в 1763–1767 гг.

В Троицкой семинарии в 1785 г. и в Новгородской семинарии в 1803–1806 гг. упоминаются переводы с русского на французский «Нумы Помпилия». В последнем случае это может быть «Нума Помпилий» Флориана (перевод П. Вельяминова 1788 г. или Г. Шиповского 1799 г.), однако в 1785 г. это мог быть перевод жизнеописания Нумы Помпилия из книги Плутарха «Житие славных в древности мужей» (1765) Сергея Глебова.

В Новгородской семинарии 1803–1806 гг. для перевода также назначался «Велизарий» М. Мармонтеля: это мог быть коллективный придворный перевод «Велизар», изданный впервые в 1768 г., или перевод П. П. Курбатова «Велисарий» (1-е изд. 1769 г.). Для перевода с русского на французский могли даваться в том числе переведенные с немецкого произведения, например «Юнговы ночи» — «Плачь Эдуарда Юнга, или Нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии...», перевод которого с немецкого А. М. Кутузовым был опубликован в журнале «Утренний свет» в 1778–1780 гг. именно с таким заглавием. Однако могли назначаться и другие «подобные сим нравоучительные книги»: опубликованных русских переводов французских книг в библиотеках Троицкой, Костромской и Новгородской семинарий было довольно много.

4. Тексты семинаристов на французском языке

При благоприятном стечении обстоятельств (наличие хороших учителей, учебников и грамматик) семинаристы овладевали французским настолько, что могли создавать на нем собственные произведения по всем законам риторики и поэтики. Главным средством демонстрации знаний становились торжественные акты семинарий, во время которых ученики читали стихи и речи на иностранных языках перед публикой. Такие сочинения собирались в рукописные или печатные сборники, они могли подноситься в качестве поздравления правящим архиереям или почетным гостям семинарий — императрице, наследнику и т. д. Целый ряд таких произведений можно найти в архивных документах. Вот лишь несколько примеров, показывающих и разнообразие жанров — эпиграммы, стихи на случай, торжественные речи и т. д. — и довольно высокий уровень владения французским языком среди студентов духовных семинарий и академий.

Чаще всего тексты на французском и немецком соседствуют со стихами и речами на русском, латыни, греческом, в редких случаях появлялись также краткие эпиграммы на еврейском. В некоторых случаях гостям демонстрировались редкие языки: карельский, татарский, калмыцкий. Таким образом, художественное произведение на иностранном языке становилось средством демонстрации образования в целом; слушатели могли в принципе не понимать его, но это и не требовалось: студенты демонстрировали владение языком как внешний признак образования. С этой точки зрения тексты семинаристов на немецком и фран-

цузском выгодно отличались: представителям светской власти они были гораздо понятнее, чем поздравления на латыни, еврейском или карельском. Однако семинарская поэзия и речи на иностранных языках в настоящее время еще не исследованы.

5. Отношение к французскому языку в духовной среде

Активизация преподавания французского, немецкого и других светских предметов в конце 1760-х гг. нередко связывается с идеями, высказанными Екатериной II в «Инструкции учреждающейся от нас о церковных имениях Комиссии» от 29 ноября 1762 г.⁷³ Непосредственных требований ввести европейские языки в тексте нет, однако вполне возможно, что введение французского и немецкого в глазах архиереев как раз и могло становиться наиболее очевидным признаком требуемого инструкцией «насаждения плодов духовных». Вторым значимым стимулом считается «Устав народных училищ», распространенный в 1786 г. на семинарии. Действительно, в уставе в параграфах 11–13 содержится указание о введении иностранных языков: «Во всех Главных народных училищах, кроме правил языка Российского, яко природного, должны еще преподаваться основания латинского для желающих учение свое продолжить в вышних училищах, как то: гимназиях или университетах; а сверх того учение того иностранного языка, какой по соседству каждого наместничества, где Главное училище находится, быть может полезнее, по употреблению его в общежитии»⁷⁴. Сами языки не называются, но в конце устава содержится приложение «Наставление главных училищ учителям иностранных языков», где на примере немецкого подробнейшим образом описываются методы преподавания на всех этапах⁷⁵. Таким образом, современникам было вполне очевидно, что речь идет именно о европейских языках. К 1786 г. в части семинарий французский и немецкий уже преподавались, но устав мог содействовать введению этих классов там, где они еще не были заведены.

Однако непосредственных общегосударственных указов о заведении в семинариях европейских языков до Устава 1798 г. нет. Греческий и еврейский языки регулярно упоминаются в государственных указах, посвященных духовному образованию (начиная с «Духовного регламента» 1722 г., затем в указе 1738 г. о заведении семинарий и в др. указах и инструкциях). При этом реальное введение еврейского в семинариях было редкостью⁷⁶, а греческий распространяется только в последней четверти XVIII в. Напротив, до конца века французский и немецкий языки упоминаются только в частных инструкциях, распоряжениях и указах, посвященных конкретным учебным заведениям (см. указ Петра II 1728 г., рескрипт Екатерины II Александрово-Невской семинарии от 10 мая 1788 г.⁷⁷ и др.),

⁷³ Клеандров В. М. и др. Законодательство Екатерины II: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 278–279.

⁷⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 22. С. 647–648.

⁷⁵ См.: Там же. С. 659–662.

⁷⁶ См.: Кислова Е. И. Древнееврейский язык в православных учебных заведениях в России XVIII в. (К истории лингвистической компетенции церковной среды) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013. № 1. С. 40–42.

⁷⁷ См.: Амвросий (Орнатский). Указ. соч. С. 564–565.

хотя они уже преподавались в семинариях. Вероятно, с точки зрения правительства наиболее важными для духовенства оставались языки «богословские»: латынь, греческий и еврейский. Поэтому государство никак официально не стимулировало преподавание в семинариях европейских языков.

Введение немецкого и французского в семинариях скорее стало результатом усилий образованных архиереев, членов Синода, тесно связанных с придворной жизнью. В этой среде французский язык уже во второй половине XVIII в. начинает входить в повседневную жизнь, частично вытесняя «ученую латынь», распространенную в официальной и личной переписке духовенства. Например, в 1766 г. Петр Зернов сообщает митрополиту Платону Левшину о своем желании принять монашество личным письмом на французском языке⁷⁸. Духовная комиссия, формулируя в 1773 г. свое мнение относительно богословского факультета при Московском университете, отдельно отмечает необходимость «особой при факультете гимназии», в которой присылаемые из семинарий в университет ученики «могли слушать лекции физики, математики, нравственной философии, древностей и естественной истории и языков: еврейского, греческого, французского, немецкого»⁷⁹.

Церковные иерархи в данном случае следуют модели светского общества, в котором владение французским и в меньшей степени немецким становится признаком не только образования в целом, но и синонимом благородства, в котором представителям духовенства было отказано. Показателен упоминавшийся выше отзыв Н. М. Карамзина, посетившего Троице-Сергиеву Лавру и писавшего в 1802 г. о визите туда и общении с монахами: «Кроме древних языков, здесь учат французскому и немецкому. Это похвально: кому надобно проповедовать, тот должен знать Боссюэта и Массильёна. Некоторые из здешних монахов говорили со мною по-французски, а важные учителя вмешивали в свой разговор французские фразы. Они доказывали мне, что ученость приветлива: ходили со мною и все показывали с видом искренней услужливости. Наука дает человеку какое-то благородство во всяком состоянии»⁸⁰. Подобные представления были массовыми: даже в середине XIX в. историки духовного образования оценивают знание европейских языков семинаристами с позиций светского общества: «Одно умение говорить по-французски или по-немецки давало им [семинаристам] значение в обществе, возвышало их в глазах товарищей, и образованные светские люди с радушием принимали их в свое общество»⁸¹.

Таким образом, знание европейских языков давало возможность преодолеть разобщенность духовенства и дворянства, ввести представителей Церкви в круг образованных с точки зрения светского общества людей и тем самым преодолеть образ «малограмотных священников», сложившийся после Петровских реформ и устойчивый в светском обществе до конца XVIII в.: неслучайно на протяжении XVIII в. почти все указы и распоряжения правительства, посвященные

⁷⁸ См.: *Смирнов*. Троицкая семинария. С. 145–146.

⁷⁹ *Х*. Проект богословского факультета при Екатерине II // Вестник Европы. IV (1873). С. 313–314 (статья опубликована под инициалом Х, автор неизвестен).

⁸⁰ *Смирнов*. Троицкая семинария. С. 483.

⁸¹ Там же. С. 465.

духовному образованию, традиционно начинаются описанием неграмотности и отсталости духовенства и низкого уровня преподавания в семинариях.

Невладение языковым кодом светского общества исключало духовенство из его культуры, и в том числе из культуры двора, поэтому введение французского и немецкого языков в учебных заведениях, из которых выходили архимандриты важнейших монастырей, архиепископы и митрополиты, члены Св. Синода, придворные проповедники и законоучители светских учебных заведений, в какой-то момент становится насущной необходимостью, что и отражено в резолюции о введении французского и немецкого в Троицкой семинарии: «...понеже в Троицкой семинарии ныне немецкого и французского языков никто не обучает; по знатности же оной семинарии, а особливо, что она заведена по силе высочайших ея имп. величества именных указов, и удостоиваема бывает высочайшаго ея имп. величества посещения и зрения иностранных министров и других знатных персон, для того надлежит в прославление и пользу отечества присовокупить преподавание и оных двух языков французскаго и немецкаго, как больше ныне в России употребляемых»⁸². Не случайно также внимание образованного духовенства к трудам Вольтера и его оппонентов, произведениям Руссо, энциклопедистов: чтобы проповедовать образованному дворянству, необходимо понимать, какие идеи актуальны в этой среде. Конечно, для сельского священства эти знания могли казаться лишними, что объясняет большее внимание к европейским языкам в столичных семинариях и меньшее — в провинциальных. Но в целом к концу XVIII в. многие семинарии давали возможность своим студентам в той или иной степени освоить французский язык.

Ключевые слова: русский XVIII век, французский язык, французская литература, семинарии, история образования, перевод, Русская Православная Церковь.

THE FRENCH LANGUAGE IN RUSSIAN SEMINARIES OF THE 18TH CENTURY: FROM THE HISTORY OF CULTURAL CONTACTS

E. KISLOVA

Based on the material of preserved archival documents and published sources, this paper discusses the usage of the French language and literature in Russian seminaries of the 18th century. French language was a main international language in 18th century Europe, that's why its appearance in ecclesiastical seminaries is often evaluated as a success of the Enlightenment. By the last third of the 18th century, the teaching of modern European languages spread in Russian capital and provincial seminaries. In seminaries

⁸² Смирнов. Троицкая семинария. С. 347–348.

teachers usually used the same grammars as in secular schools, translated as well as original. The main learning method was translation from one language to another (collective in class and individual one). In the beginning the teachers used the most popular also in the secular schools texts (such as Fénelon's «Les Aventures de Télémaque»). In the high classes they used writings of the best French preachers, theologians and rhetors (J. Saurin, E. Flechier, F. J. Durand, L. Bourdaloue, J. B. Massillon etc.). Teachers and students of the seminaries also paid a lot attention to the works of Voltaire, J. J. Rousseau and the encyclopédistes. Knowing French gave the clergy an opportunity to the overcome a break between clergy and Russian nobility and also change an image of the «illiterate clergy» widespread after Peter the Great's reforms and very steady in 18th century. The analysis of sources shows that students of Russian seminaries of the 18th century had an opportunity to study French at a good level and were familiar with the most significant specimens of the French literature.

Keywords: French language, French literature, Russian 18th century, seminaries, history of education, translation, Russian Orthodox Church.

Список литературы

1. *Аглицев Д.* История Рязанской духовной семинарии 1724–1840 г. Рязань, 1889.
2. *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. Ч. 1. М., 1807.
3. *Власов С. В.* Гувернер Пьер де Лаваль, автор первой в России двуязычной грамматики французского языка (1752–1753) // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. / Под ред. А. В. Чудинова и В. С. Ржеуцкого. М., 2011.
4. *Гречаная Е. П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII — первая половина XIX в.). М., 2010.
5. *Кислова Е. И.* Грамматики французского языка в российских семинариях XVIII века // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2015. № 19. С. 374–382.
6. *Кислова Е. И.* Древнееврейский язык в православных учебных заведениях в России XVIII в. (К истории лингвистической компетенции церковной среды) // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013. № 1. С. 40–42.
7. *Кислова Е. И.* Немецкий язык в русских семинариях: из истории культурных контактов // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2015. Вып. 1 (41). С. 53–70;
8. *Клеандров В. М. и др.* Законодательство Екатерины II: В 2 т. М., Т. 1. 2001.
9. *Князев А.* Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ее по проекту устава 1814 года. М., 1866.
10. *Колосов В.* История Тверской духовной семинарии. Ко дню 150-летнего юбилея семинарии. Тверь, 1889.
11. *Левин Ю. Д.* История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб., 1995.
12. *Лукьянов В. В.* Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV–XX вв. Ярославль, 1975. № 121 (503), № 124 (502).
13. *Любжин А. И.* История русской школы. Т. 1: Русская школа XVIII столетия. Кн. 1. М., 2014.
14. *Любжин А. И.* Очерки истории российского образования в императорскую эпоху (URL: <http://www.inr.ac.ru/~info21/MIL/liubzhin/oqerki-istorii-ross-obr-v-imper-epoxu.pdf>.)
15. *Макарий (Булгаков).* История Киевской академии. СПб., 1843.

16. *Макарий (Миролюбов)*. История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 годов. СПб., 1857.
17. *Макарова И. В.* Деятельность преподавателей духовных семинарий Владимирской, Костромской и Ярославской губернии: 60-е гг. XVIII в. — первой четверти XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005.
18. *Никольский П.* История Воронежской семинарии. Ч. 1. Воронеж, 1898.
19. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. XV (1735 г.). СПб., 1907.
20. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. СПб., 1830.
21. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXV. СПб., 1830.
22. *Посохова Ю. В.* На перехресті культур, традицій, епох. Православні колегіуми України наприкінці XVII — на початку XIX ст. Харьков, 2011.
23. *Прийма Ф. Я.* К истории открытия «Слова о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 12. 1956.
24. *Смирнов С.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855.
25. *Смирнов С.* История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867.
26. *Сперанский И.* Очерк истории Смоленской духовной семинарии и подведомых ей училищ со времен основания Семинарии до ее преобразования по Уставу 1867 года (1728—1868 гг.). Смоленск, 1892.
27. Х. Проект богословского факультета при Екатерине II // Вестник Европы. 1873. № IV. С. 300—317.
28. *Чистович И.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857.
29. *Шмурло Е.* Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767—1804. СПб., 1888.
30. *Kislova E.* Le français et l'allemand dans l'éducation religieuse en Russie au XVIIIe siècle // ВИБЛІОТЕКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. № 1. 2013. P. 48—74.
31. *Mézin A., Rjeoutski V.* Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones européens en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier. Vol. 1—2. 2011.
32. *Rjeoutski V.* Le français et d'autres langues dans l'éducation en Russie au XVIIIe siècle // ВИБЛІОТЕКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. № 1. 2013. P. 20—47.
33. *Vlassov S.* Les manuels utilisés dans l'enseignement du français en Russie au XVIIIe siècle: influences occidentales et leur réception en Russie // ВИБЛІОТЕКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2013. № 1. S. 75—98.